

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

30
ИЮНЯ

Павел Комарницкий

30 июня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818875

Аннотация

Вот уже целое столетие отделяет нас от того дня, когда над дикой сибирской рекой Тунгуской произошло это событие, именуемое обычно «тунгусский метеорит». Тайна его до сих пор не раскрыта.

Хотите знать, что это было на самом деле?

Читайте «30 июня»!

Содержание

Пролог	4
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Павел Комарницкий

30 июня

(неопровергнутая гипотеза)

Пролог

Ивашка, почёсываясь и сопя, выбрался из чума, огляделся. Небо на востоке уже наливалось розовым светом, над водой стелился низкий, полупрозрачный туман. Белые ночи были в разгаре, и рассветы были по-летнему ясными. Вот и сегодня, похоже, день будет погожий.

Из чума доносилось позвякивание, жена уже встала и начала хлопоты у очага. Тунгус оглядел стойбище. Да, хорошее место. Как раз в устье, вот река Дилюшмо впадает в Чушмо. Рыбы здесь пропасть, и охота ничего себе. Хорошие уголья у Ивашки, а если по-настоящему – у Ивана Потапыча Петрова, вот так вот. А чего? Иван Потапыч, так и в бумаге написано у урядника, а полицейский урядник – это у-у-у...

Он отошёл подальше, чтобы справить серьёзную нужду. Разумеется, гнус, оголодавший за ночь, не мог упустить такую удачу и жадно накинулся на все незащищённые места. Ивашка кряхтел, яростно щуря свои раскосые глаза, отмахивался от ненасытных кровопийц. Мимолётно вспомнилось,

как его тёзка Иван, русский купчик-выжига, смеялся: «У вас, тунгусов, почему такие глаза-то узкие? Не знаешь? То-то! Да потому, что вы от роду до смерти из-за гнуса щуритесь, вот и привыкли...». Хороший человек, грех слово худое молвить. И водку мало совсем разбавляет. Да, хорошая у него водка, настояна на крепчайшей махорке – ух! Только пить её надо не шибко много, иначе околеешь мало-мало, нехорошо... И голова болит... Вот и сейчас мало-мало болит, и надо бы это дело поправить...

Ивашка уже начал вставать, да так и присел назад, открыв рот, и глаза у него стали вполне даже русские. Очень даже круглые глаза.

Ослепительный огненный шар беззвучно и стремительно скользил по небу, оставляя за собой бело-дымный след, снижаясь. Так продолжалось вздох, два, три... Шар скрылся за верхушками деревьев, и вдруг...

Ивашка тонко, по-детски закричал. Показалось, будто ему плеснули в глаза кипятком. Ничего не видя, кроме чёрно-багрового пятна, он упал назад, на только что сделанное, начал судорожно тереть глаза – зрение не возвращалось. Лишь спустя несколько мгновений на фоне багрянца начала проступать чёрная иззубренная полоса, словно навек отпечатавшаяся в ослепших глазах – край леса, и сам багрянец начал всё сильнее отливать зеленью. Ивашка пополз куда-то на четвереньках, плача от свалившегося несчастья, но тут заметил, что сквозь зелень призрачно проступают контуры

чума и реки. Видит! Он видит! Какое счастье!

Но как следует обрадоваться Ивашка не успел. Тугой ветер пахнул в лицо. Гром с ясного неба ударил так, что чуть не лопнули барабанные перепонки. Уши разом заложило. Час от часу не легче – не ослеп, так оглох...

Но Никола-угодник, похоже, пока не совсем оставил несчастного Ивашку. Вот, и уши отложило помалу. Стали слышны возгласы перепуганных домочадцев, выбравшихся из чума, неистово лаяли собаки. Все живы, однако. И зелень в глазах протаивает, редет.

Иван Потапыч встал, заковылял к реке, придерживая запачканные штаны. Ай, как нехорошо, однако... И жена видит, и все видят... Нет, про это говорить никому не надо, шибко будут смеяться...

– Собирайтесь! Вверх по Чушмо пойдём!

– Чего вдруг? – усомнилась жена.

– Собирайся, говорю!

Ещё спрашивает. Что скажешь, баба, она же дура. А что до того, будто место шибко хорошее – так и даром не надо Ивашке таких хороших мест...

Глава первая

Неопознанный летающий объект

Бок планеты круглился, тяжелой громадой закрывал звёзды. Пятна облаков и спирали циклонов густо покрывали её, скрадывая очертания материков, на густую синь океана ложился размытый огненный блик от светила.

У стены, превращённой в огромный объёмный экран, стояли существа, отдалённо напоминающие вставших на задние лапы небольших львов, или, скорее, павианов, вот только вместо звериных морд с длинными мощными челюстями лица у существ были только что не человечьи. Высокие, длинноногие, покрытые коротким густым мехом, только лицо и кисти рук розовели голой кожей, они стояли с непринуждённым изяществом, выдававшим в них прямоходящих существ. Мех одного был жемчужно-серым, у второго же светло-бурым, с золотой искрой, как у породистого соболя. Длинные тонкие хвосты с кисточками на концах не доставали до полу. Уши на макушках то и дело шевелились, большие круглые глаза с вертикальной «дышащей» щелью зрачков всматривались в облик чужого мира.

— ... Нет, командор — тот, что имел соболиный мех, нервно прыдал ушами — Я не могу дать согласия на высадку, как бы ты ни бушевал. В конце концов, я несу ответственность за

всех членов экипажа, включая твоих ребят.

– Напомню тебе, капитан – командор несогласно оскалил зубы, так, что стало видно небольшие острые клыки – что **я тоже** несу ответственность. Причём все работы на планете находятся именно в моём ведении.

– И всё-таки – капитан упрямо боднул головой, его хвост хлестнул по боку – Скажи, Иахрр, что, ну что ты сейчас увидишь? Всё то же – он хвостом указал на экран – Так для этого есть телезонды. Высадку на планету следует проводить только в том случае, если все остальные средства изучения себя исчерпали – мне ли говорить тебе об этом?

– Ты не прав, Хррот – собеседник снова несогласно оскалил зубы – Ты придерживаешься устава, как стенки в тёмной пещере. Да, я согласен, если бы на планете была достаточно техничная цивилизация, имеющая развитую систему телекоммуникаций – тогда имело бы смысл покрутиться на орбите. А так...

– Если бы здесь была развитая цивилизация, вряд ли мы крутились бы на столь низкой орбите. Кстати, как идёт расшифровка радиопередач?

– Сейчас узнаем – Иахрр щёлкнул пальцами, произнёс короткую фразу. На фоне планетной панорамы протаяло окно, в котором появилась тоненькая изящная фигурка, значительно уступавшая размерами двум стоящим, облачённая в изумительно-золотистый мех. Она (поскольку это была девушка) сидела на пуфике, всматриваясь в расположенный

перед ней экран, по которому резвой вереницей ползли символы и мелькали калейдоскопические образы. Пальцы сидевшей порхали по клавиатуре.

– Как продвигается расшифровка радиопередач, Ярара? – Иахрр чуть сморщил нос, что у этих существ означало улыбку.

– Радиопередачи – фыркнула сидящая – Я готова поставить на спор весь свой мех против твоей хвостовой кисточки, что они используют искровой разряд. И вообще, это не передачи. Так, условные сигналы.

– Например?

– Ну вот, слушайте – Ярара тряхнула густой пышной гривой, обмахнулась хвостовой кисточкой, заметно более пушистой, чем у собеседников – Три непереводаемых буквы, очевидно, аббревиатура. Повторяются несколько раз. Далее... ага, вот. «Судно...» тут непереводаемое понятие... «тонет посреди...» ну, это, очевидно, местное название океана... широта... долгота... И опять три этих буквы. Всё.

– Ну, это действительно какой-то аварийный сигнал. А нормальные передачи?

– Пожалуйста, вот. «Судно...» тут непереводаемое понятие... «вышло с грузом...» тут непереводаемое понятие... «из порта...» тут местное непереводаемое название... «в порт...» тут опять местное название... «с заходом в порт...» так... «Будет восемнадцатого. Приготовьте место для складирования...» Вот и всё.

– Всё ясно с тобой, Ярара.

– Что именно ясно со мной, о мой повелитель? – девушка насмешливо сморщила нос, одновременно изящно изогнув поднятый хвост – кисточка чуть подрагивала над плечом.

– Пока что местные передачи в основном состоят из неперевоаемых понятий.

– Не грызи меня, о мой повелитель – ещё более насмешливо произнесла девушка, снова обмахнувшись кисточкой хвоста – Я исправлюсь, непременно исправлюсь.

– Действительно, чего пристаёшь к малолетке – добродушно вступился за девушку капитан, откровенно забавляясь – Вот ты сам не в состоянии даже сколько-то уверенно сказать, что и как едят аборигены, а...

– К малолетке? – девушка в возмущении хлестнула хвостом – Ну спасибо, дядя Хррот. Имеются ли у вас ко мне ещё какие-либо умные вопросы, о мудрейшие из мудрейших?

– Пока что всё.

– А у меня имеются. Иахрр, как ты полагаешь, сколько процентов информации мы улавливаем?

– Я понял твой вопрос. Нисколько. Речь может идти о долях процента. О тысячных долях, в самом лучшем случае.

– Вот и я о том же. Не может быть, что они тут имеют только примитивную телеграфную радиосвязь, а вся остальная информация идёт в виде писем. Так не бывает! Должны быть закрытые, проводные каналы... Чего вы смеётесь?

– Ну разумеется, о звезда моих очей. Такие каналы суще-

ствуют. Это примитивный проводной телеграф. Более того, существуют и линии, по которым идёт передача звуковой информации. Стараниями нашего почтенного Ухурра мы уже ведём интенсивное прослушивание десятков таких каналов.

– И вы все молчите?! Где это всё?

– Если ты помотришь файл «проводные каналы» у себя в папке, ты найдёшь там самую свежую информацию. Мы просто не решились отвлекать тебя, питая призрачную надежду, что непереводимых понятий в твоих переводах станет чуть меньше. И вообще, прежде чем поднимать хвост на старых опытных хищников, следует посмотреть на своём рабочем столе.

Девушка пристыжённо умолкла, и даже её хвост увял, спрятав кисточку за спиной. Впрочем, ненадолго. Кисточка вновь взлетела, заплясала над плечом.

– Мне нужна **вся** информация, Иахрр. Вся до последнего бита. Чем больше, тем лучше.

– А забирай!

– И заберу! У вас есть ещё ко мне что-то, почтеннейшие?

– Да чего взять с малолетки – тут капитан и командор засмеялись странным, гортанно-переливчатым смехом – Всё, работай!

Окно стянулось в точку, погасло. Иахрр снова повернулся к капитану.

– Хррот, так не пойдёт. Так мы можем крутиться на орбите хоть год. Дай разрешение на высадку нашей группы.

Скрытную, само собой, я не говорю о прямом контакте. Пойми, нам надо всё видеть.

– Есть телезонды.

– Это не то. Мы должны **почувствовать** планету.

– Нет, я сказал! Ещё вопросы?

– Грызун-норушник!

– От грызуна слышу! Всё, свободен!

Иахрр повернулся и пошёл по коридору пружинистой походкой потомственного лесного хищника, и только хвост хлестал направо-налево, выдавая крайнее возмущение. Капитан проводил его взглядом, покуда фигура не скрылась за поворотом плавно изогнутого по дуге коридора. Вздохнул совсем по-человечески, перевёл взгляд на стену, за неуловимо-тонкой гранью которой плавал гигантский шар планеты. Щёлчок пальцев, и стена восстановила свою полуметровую нерушимую броню – погас экран.

* * *

На чердаке дачи было темно – хоть глаз выколи – пахло прошлогодними яблоками, сухой полынью и кошками. У широко распахнутого чердачного окна мрак был чуть пожиже, там угадывалось какое-то шевеление. Внезапно неярко вспыхнул электрический фонарик, явно с сильно севшими батарейками, выхватив из темноты неясную худую фигуру, склонившуюся над планшетом с какими-то записями.

Борис Переверзев, студент второго курса Московского университета, был астрономом по призванию. Да, пришлось идти учиться на инженера, отец настоял. Всё верно, конечно – любая профессия должна кормить, и желательно хорошо кормить. Ну что это за профессия – астроном... Весьма скромное казённое жалованье, и никаких тебе жизненных перспектив. Сиди в темноте за трубой до самой пенсии, если не до смерти. А девушки, между прочим, весьма уважают богатых. Женатый же человек вообще обязан...

Борис вздохнул. Всё правильно, всё верно. Отец прав. Да вот только сердце Бориса принадлежало звёздам. Нет, против девушек Борис ничего не имел, наоборот. И против женитьбы тоже в принципе не возражал. Все женятся, отчего же... Но в глубине души он знал: если жизнь поставит его перед таким выбором, он выберет звёзды.

Закончив записывать, Борис погасил фонарик – тот уже еле светил, тусклым красноватым светом – и снова припал к окуляру трубы. С этим инструментом ему просто сказочно повезло. Пятидюймовый рефрактор, объектив – триплет Кука, цейссовская работа... Чего ещё желать? И почти даром, потому как приятель срочно распродал ненужный хлам, дядино наследство. Борис усмехнулся, вспоминая. Как всё-таки по-разному мыслят люди. Пятидюймовый рефрактор от Цейсса – хлам, надо же... Там ещё на квартире полно всяких тарелок-соусниц-супниц, вроде бы старинный мейссенский фарфор, и вовсе уж никчемные позолоченные побря-

кушки от какого-то Фаберже. Вот уж действительно бесполезный хлам... А это – чистое золото. Вот только осталось построить башенку... Негоже такому инструменту выглядывать из чердачного окна, хотя обзор и тут неслабый...

Чем ещё хороша профессия астронома – мысли текут себе, ночью им никто не мешает. А глаз делает своё дело. Тихо, негромко тикает часовой механизм астрогида. Да, астрономом может быть не каждый. Тут уснуть – минутное дело. Поэтому Борис всегда старался заранее выспаться, да ещё брал с собой крепкий кофе, изрядную банку, закутанную в пуховую шаль.

Послышались шуршащие, почти неслышные шаги. Борис на секунду оторвался от окуляра. В темноте призрачно-зелёным светом светились кошачьи глаза.

– Чего тебе, Мурёна? – Борис никогда не прогонял кошку, частенько навещавшую его во время ночных бдений – некогда мне. Сиди тихо, раз явилась.

Кошка в ответ негромко мяукнула – мол, поняла, буду сидеть тихо. Борис снова припал к окуляру. Начало мая в Москве не самое лучшее время для наблюдений. А в Петербурге, куда он чуть было не поехал, и вовсе вот-вот начнутся белые ночи, для астронома – мёртвый сезон. Нет, не зря он, сдав экзамены экстерном, подался на каникулы к тётушке в Киев. Во-первых, на широте Киева ночи сейчас гораздо темнее. Во-вторых, и погода тут не в пример Питеру. Ну и в-третьих, тётушка, добрая душа, не достаёт, как маменька –

сиди хоть все ночи напролёт на чердаке...

Хорошая какая выдалась ночь, и атмосфера сегодня спокойная. Может быть, сменить окуляр? Вместо восьмидесятикратного поставить «стотридцатку»...

Неяркое светящееся пятнышко всплыло в поле зрения, пересекло его и исчезло. Секунду или две Борис сидел неподвижно, пытаясь осмыслить увиденное. Потом торопливо, дрожащими руками отключил привод астрогида и начал разворачивать трубу вслед уходящему явлению.

Он настиг его почти мгновенно – объект и не думал скрываться, шёл ровно и уверенно, как и подобает добропорядочному небесному телу, уважающему законы небесной механики. Траектория пролегла почти точно с юга на север. Вот только скорость его была необычна. С такой скоростью летают разве что метеоры. Нет, для метеора это слишком уж медленно... Да что же это?

Борис взмок от подступающей догадки. И в этот момент объект, словно наскучив ролью добропорядочного небесного тела, замерцал и погас. Борис бешено закрутил окуляр, повёл трубой по линии траектории, вправо-влево – ничего! Небесный пришелец канул, растворился во мраке Вселенной.

Кошка, наскучив астрономическими наблюдениями хозяйина, мяукнула, напоминая о себе.

– Отстань, зверь! – зарычал на неё Борис, отмахиваясь. Включил фонарик, дрожащей рукой записал эфемериды, параметры траектории небесного гостя. Открытие... Вот оно,

то, о чём мечтает каждый астроном, абсолютно каждый... Да кто поверит? Было и исчезло – курам на смех... Блик, дефект оптики... Небесные тела тем и знатны, молодой человек, что неизменны в своих устремлениях...

* * *

– ... Я недоволен тобой, Вахуу. Если бы такое случилось над немного менее дикой планетой, нас бы уже сажали, не спрашивая согласия. Или вообще вlepили бы ядерный заряд.

Сидевший в пилотском кресле гигант, одетый в антрацитово-чёрный блестящий мех, виновато развёл руками, уныло шевельнул опущенным хвостом, свисавшим позади кресла. Кресла в рубке управления были примечательные – спинка покоилась на изогнутом дугой подрамнике, так, что можно было беспрепятственно размахивать хвостом.

– Я виноват, капитан, я не спорю. Всё уже в норме, правда. Оптическая маскировка уже включена, радио будет сейчас готова. Да ведь радиолокации у аборигенов нет, не страшно...

– Ладно, работай. Дотянешь вахту?

– Само собой, Хррот, чего ты? – от обиды хвост второго пилота пришёл в движение – Ну отключилась маскировка, я виноват... Зачем же от вахты-то отстранять?

– Никто тебя пока не отстраняет, не махай хвостом.

Капитан сел в своё кресло, щёлкнул пальцами. Экран перед ним протаял в глубину. Дымчато-серый коллега, расположившись перед переносным пультом в недрах какой-то установки, усиленно чесал буйную гриву, его хвост свивался-развивался кольцами, изображая крайнюю задумчивость.

– Как идёт процесс, Ухурр?

– А, капитан! – страшно искусственно обрадовался выше-названный Ухурр – Процесс стоит, капитан, мёртво стоит. Не хочет.

– Работнички! – капитан хлестнул хвостом по полу, не в силах сдерживаться – Один оставляет корабль без маскировки, второй планетарный томограф расконсервировать не в состоянии! Когда будем делать просвечивание, перед отлётом?

– Как, разве мы уже улетаем?

– Кончай придуриваться. Когда? – капитан нервно дёрнул ухом.

– Скоро – Ухурр выпрямился, задрал хвост свечкой, до затылка, выражая тем самым полный энтузиазм и абсолютный оптимизм – Теперь уже скоро, точно. Это будет такая котлетка, Хррот, правда. Разрешение...

– Если я правильно тебя понял, ты нарушил заводскую инструкцию и взял на свои плечи грандиозный труд по усовершенствованию томографа?

– Твоя проницательность, о великий и мудрый, приводит меня в священный трепет! – Ухурр, похоже, нимало не рас-

каивался, даже будучи уличённым – Но согласишься, увеличение разрешения в три, если не в три с половиной раза стоит...

– Разве я спросил про разрешение? Я спросил – когда.

Хвост коллеги несколько увял, изогнувшись знаком вопроса, выразив тем самым некоторое сомнение в истинности предыдущего оптимизма.

– Мне бы в помощь Ярару, мой господин...

– Кстати, вопрос. У тебя есть универсальный робот. Почему ты сам лазаешь?..

– А-а, я его отключил – Ухурр изобразил весьма сложный жест, одновременно безнадёжно махнув рукой, пренебрежительно дёрнув хвостом и досадливо стриганув ушами – Тут нужны мозги, капитан, а не манипуляторы. Так как насчёт Ярары?

– Ярара сама зашивается, у неё сейчас работы выше головы. Ладно, продолжай крутить хвостом, изображая работу мысли. Я тут разгребу и подойду к тебе, разберёмся.

– Вот здорово! – снова страшно ненатурально обрадовался Ухурр – Нет, мне в принципе хватило бы и Ярары... Но сам капитан, великий Хррот в помощниках... Я польщён.

– Трепло! – фыркнул Хррот, отключаясь. Ярару ему в помощь... Как будто неясно, что в этом случае планетарный томограф не будет запущен даже перед отлётом. Трудно работать в тесноте внутренностей томографа, когда тебя касается, обдаёт теплом и запахом своего тела такая девушка...

А кое-где и прижаться придётся – какая уж тут работа...

* * *

– ... Да что с тобой, Боря, ты уж не заболел ли? Всё остыло, ничего не ешь.

Тётушка не скрывала своего беспокойства. Действительно, сиднем сидеть на чердаке ночами, долго ли и здоровье нарушить... Впрочем, в глубине души тётушка не оставляла надежду, что причина болезни любимого племянника сугубо земная – какая-нибудь барышня завелась наконец.

– Спасибо, тётя Катя, всё хорошо. Не выспался, только и всего. Не стоит беспокойства.

Чтобы успокоить тётушку, Борис зачихал в рот первое попавшееся под руку, начал старательно жевать, изображая аппетит. Но вкуса не чувствовал. Ещё бы...

Бориса терзали сомнения. С одной стороны, золото на дороге долго не валяется. Вдруг ещё кто-то видел? Вдруг вот сейчас, сию минуту, в каком-нибудь городе N телеграфист уже отстукивает роковую телеграмму, и слава, по праву должна принадлежать Борису, достанется другому...

А с другой стороны – у него ни одного доказательства. Ведь на смех поднимут, ославят перед уважаемыми людьми... Молодой человек, известно ли вам что-либо о шаровой молнии? Молодой человек, вы проверяли оптику? А то и вообще – молодой человек, в ваши годы крайне вредно

злоупотреблять горячительными напитками...

Весь остаток ночи студент провёл, шаря трубой по небу, хотя и осознавал, что мера эта почти безнадежна – если «гость» пролетел мимо по гиперболе, он уже за сотни тысяч вёрст от Земли, и даже если он вращается на околоземной орбите, то следующий виток пролегает далеко отсюда. К утру, путём мучительных размышлений, Борис отмёл все сомнения. Шаровая молния? Нет, ребята. Шаровая молния, конечно, явление крайне таинственное, но как ни крути, это всё-таки атмосферное образование. А небесный гость двигался строго по баллистической траектории, соблюдая законы Ньютона и Кеплера. Более того, из торопливо набросанных поутру расчётов явственно следовало, что объект является именно спутником Земли – изгиб траектории не оставлял в этом сомнений, это была практически круговая орбита, с очень большим наклоном – полярная орбита, если проще.

Оптический блик? Оставьте, господа! Вокруг тётушкиной дачи нигде нет электричества, да и деревья так разрослись – ни зги не видно. Плюс бленда на объективе. Откуда бы взяться блику?

И галлюцинациями Борис не страдал, и впредь страдать не намерен.

Нет, никаких более сомнений. Он видел **искусственное небесное тело**. Звёздный корабль, вот так.

Борис прожевался наконец, встал из-за стола, твердея,

принимая решение. Ладно, пусть ославят, Бог с ним. Не убьют же. А слава – девушка капризная, упустишь, кусай потом локти...

– Я на почту, тётъ Катъ. Спасибо за завтрак!

– Да какое спасибо! И не поел ничего... Чего на почту-то?

– Телеграмму матушке отобью. Беспокоится маменька, я уж знаю. Заодно и сестричку вреднючую с днём ангела поздравлю.

– Ну ступай, коли так. От меня привет добавь.

– Обязательно, тётъ Катъ.

– Да, раз уж пошёл, зайти в лавку. Вот кошёлка, вот список, вот деньги...

– Бу сделано, тётъ Катъ!

* * *

– ...Эх, и почему я не собственный предок? Разве это когти? Жалкие рудименты...

– Даже наши древнейшие предки пользовались орудиями труда. Это вот пинцет. Умеешь обращаться?

– А, вот это и есть пинцет? Никогда бы не подумал. А мы тут всё когтями, когтями...

– Дикарь дремучий... И ещё лезет в томограф...

Двое в тесной щели споро работали в четыре руки. На душе у капитана было весело. Работать с Ухурром было одно удовольствие. Умнейший парень, балагур, даром что о суб-

ординации имеет весьма смутные представления. В принципе, сейчас, когда стало ясно, что, где и как, можно было выбраться из тесной щели и дать задание роботу. Но как бросить на полпути начатое, нет, больше – выстраданное? Нет уж, доведём сами...

– Ладно, Хррот, тут я дальше сам...

– Молчи уж, сам... Сам бы ты до сих пор хвост в кольца свивал...

– Разумеется, о мудрейший и величайший. Именно твой гений... тут поддержи, ага, вот так... Именно твой гений открыл мне истину... А, клещ мне в ухо, коготь сломал-таки... Но должен заявить, что с Ярарой работать много приятнее...

– Зато Яраре вряд ли доставило бы удовольствие нюхать твою потную свалывшуюся шкуру... Если бы ты вот так навалился, она бы тебе всю морду расцарапала...

– Как бы она расцарапала, обе руки заняты... Стой, стой, не туда! Ага, вот сюда... Держи, паяю... Всё. Слушай, капитан, мы сделали это! А ты говорил – заводская инструкция...

– Сделали... Вот включим, тогда что-то можно будет сказать... Да слезь с меня уже!

– Повинуюсь, о мудрейший. И всё-таки очень жаль, что ты не Ярара...

– Трепло! Всё, вылезай!

Кряхтя и морщась, оба вылезли из недр планетарного томографа, занимавших заметную часть внутреннего объёма исследовательского корабля. И вообще, «Любопытный» был

набит оборудованием так, что оставалось только удивляться, как в этой мешанине удалось выкроить место для экипажа.

– Вовремя успели. Как раз к обеду.

– Куда в таком виде к столу... В душ, немедленно!

– Есть, капитан!

В душевой, сверкающей двумя прозрачными кабинами – две душевых кабины есть неслыханная роскошь для гиперпространственного корабля, между прочим, где каждый куб внутреннего объёма, не говоря уже о весе, много дороже золота – стояла, подняв руки и изгибаясь в потоке тёплого воздуха, Ярара. Сушила мех после душа. Капитан невольно залюбовался девушкой. Он от души любил племянницу, и та это чувствовала.

– Сохнешь, моя киска? – Ухурр, похоже, был лишён понятия не только о субординации.

– Не сохну, а обсыхаю, мой котик. Моё почтение, дядя Хррот.

– Как у тебя дела, Ярара? – капитан попытался перевести беседу на деловой лад, иначе это трепло, Ухурр, склонит её в русло весьма сомнительных и двусмысленных комплиментов – Есть подвижки?

– Есть, дядя. Всё-таки телефон – это не телеграф...

Девушка резко мотнула хвостом туда-сюда, и опытный глаз капитана это заметил.

– Что, есть ещё проблемы?

– Есть. Оказывается, тут нет единого языка. Тут много

языков, дядя Хррот.

– Много – это сколько? Три, пять, десять?

– Больше. Много больше. Я не до конца ещё разобралась, но, похоже, тут настоящее столпотворение. Куча стран, и чуть ли не в каждой свой язык.

– М-да... Нужна помощь?

– Пока нет.

– А вот мне так нужна была все эти дни твоя помощь – не утерпел-таки Ухурр – ты себе даже не представляешь, Ярара! Томограф не фурычит. Не с кем поделиться сомнениями, некому умное слово молвить... Некому меня даже погладить... Некого мне погладить...

Ярара смешливо фыркнула. Капитан покосился на Ухурра. Инженер стоял, уныло свесив хвост, и даже уши горестно обвисли.

– Марш в душ, трепло!

– Какой теперь смысл, капитан? Я опоздал. Несравненная Ярара уходит...

Девушка засмеялась в голос, и даже капитан, не сдержавшись, сморщил в улыбке нос. Клоун, ну клоун...

* * *

– Примите, пожалуйста – Борис протянул в окошко телеграфисту пару заполненных бланков – Эту, в Санкт-Петербург, «молнией», а в Москву обычную...

– Зробым – разбитной телеграфист по-свойски подмигнул студенту, принимая бланки. До Бориса через окошко донёлся свежий запах перцовки и сала с чесноком. Телеграфист, похоже, соскучился сегодня на работе, и ввиду отсутствия наплыва клиентов слегка себе позволил – Так... ага... С вас один карбованец и восемнадцать грошей.

– Возьмите – протянул в окошко горсть серебряной мелочи Борис – Тут рубль двадцать.

– Эх, сдачи-то нема у мене – притворно-сокрушённо закрутил головой телеграфист – Как буты?

– Да ладно... – отмахнулся Борис.

– Ну спасыбо. Ото квитки вам – телеграфист просунул назад в окошко квитанции.

Выйдя на улицу, Борис посмотрел на небо, невольно сощурившись. Майское украинское солнце щедро заливало землю потоками золотого огня. Разумеется, никаких небесных объектов в этом неистовом сиянии углядеть невозможно.

Но Борис уже не сомневался – он там. Нет, невозможно предположить, что этот «гость» – случайный прохожий. Как астроном, Борис отчётливо представлял себе, какие колоссальные, невообразимые бездны мрака отделяют светила друг от друга. Этот «гость» – именно гость, и никак иначе. Он прибыл к нам.

Студент вздохнул и решительно зашагал по направлению к продуктовой лавке. Нет доказательств? Надо найти. Очень

похоже, что «гости» умеют пользоваться невидимостью. Возможно, это была какая-то авария, отчего корабль и стал на время виден. Систему починили, и он снова стал призраком. А может, так было нужно. Возможно... Всё возможно. Или не всё?

Как любой маломальски образованный молодой человек, Борис читал, разумеется, знаменитый роман «Война миров» английского писателя Герберта Уэллса, наделавший столько шума. Насчёт художественного уровня романа Борис не спорил, но вот сама идея... Нет, как хотите, только изощрённо-злой рассудок английского колонизатора мог породить такую идею. Отправляться за многие миллионы миль для завоеваний! А между тем даже испанские конкистадоры плыли в Америку не для завоеваний как таковых. Они плыли за золотом. Страны, где не было золота, их вовсе не интересовали – ни Канада, ни Австралия, открытая испанцем Торресом задолго до хвалёного Кука.

Но вряд ли какие-нибудь материальные сокровища могут окупить межпланетные, а уж тем более межзвёздные перелёты. Это всё равно, что снаряжать воздушные экспедиции на цепелинах куда-нибудь в Антарктиду, чтобы разжиться пингвиным помётом или булыжниками для засолки капусты. Даже ещё нелепее.

А раз так, остаётся одно – они прибыли сюда за самым главным сокровищем в мире. За знаниями. И никуда они не улетят, пока не узнают всё, что им нужно. Как говорится,

не за тем ехали.

Борис размашисто шагал по пыльной дороге меж высоких заборов, из-за которых свешивали свои космы яблони и знаменитые украинские дули, и смотрел ввверх, чудом не спотыкаясь, не замечая насмешливых взглядов встречных прохожих. Где-то там, в страшной выси, крутился вокруг Земли невидимый инопланетный корабль. До поры невидимый.

Значит, так. Сегодня надо лечь сразу после обеда, отоспаться. Борис уже чувствовал, что отныне ночами спать ему вряд ли придётся. Душа не позволит.

Он наконец споткнулся, но удержался на ногах. Несколько девиц, уютно лузгающих семечки под сенью раскидистой липы, захихикали. Борис вдруг встал, как вкопанный, глядя на пустые руки. Выругался в сердцах. Ну и олух! Забыл кошёлку на почте, хорошо хоть деньги не посеял. Придётся теперь возвращаться, да если ещё она там...

* * *

– ...Нет, погоди, дядя Хррот. Давай разберёмся...

– Нет, Ярара, разбираться с тобой я не буду. Клыки у тебя не выросли. И вообще, хватит с меня разборок с твоим шефом, уважаемым командором. Ещё малолетки тут мне права не качали!

Девушка вспыхнула, порываясь вскочить из-за стола, но удержалась, только хвост нервно хлестнул направо-налево.

Капитан и ухом не повёл, продолжая работать челюстями. На тарелке перед ним лежал пищевой брикет, весьма напоминающий спрессованные свежие внутренности, и Хррот неторопливо отрезал от него ножом аккуратные кусочки, отправляя их в рот при помощи трёхзубой вилки. Капитан любил побаловаться сырым мясом, но не уважал молодых балбесов, по примеру диких предков рвущих пищу зубами. Как хотите, а мы цивилизованные оррки.

За круглым столом, рассчитанным на шесть персон, сидели пятеро, поскольку один из пилотов нёс вахту в центральном посту управления. Рядом с капитаном расположился командор, за ним Ухурр. Далее сидели дамы. В одной из них можно было признать уже знакомую Ярару, вторая, одетая в белоснежную шубку, была врачом и ксенобиологом экспедиции Уруммой.

– Ты напрасно обижаешь свою племянницу, Хррот – вступился за девушку Иахрр – Не для того мы летели сюда, чтобы смотреть кино.

– Во-первых, она не просто моя племянница, но ещё и член экипажа...

– Ого! Уже член экипажа! А только что была малолеткой. Быстрая карьера! – не выдержала, встряла Ярара.

– ... Во-вторых, я уже сказал – пока не проведёте **весь** комплекс орбитальных исследований, на планету ни ногой. Мы не на экскурсии. Я обращаюсь к тебе, Иахрр, поскольку ты ответственное лицо. Всем прочим – спасибо за ужин и

спокойного сна. Завтра у нас масса работы. Я пошёл сменить Вахуу.

Капитан бросил в лючок кухонного приёмника посуду, не глядя, и вышел, пружинисто ступая по упругому шершавому полу. Хвост капитана не выдавал сегодня ни малейших эмоций.

– Ух, старый зверюга! – выдохнула Ярара, когда дверь за капитаном закрылась, бесшумно выплыв из стены. Её хвост не находил себе места.

– Это бесполезно, Ярара – Иахрр допил из стакана тёмно-оранжевую жидкость, витаминный сок – Твоего дядюшку невозможно преодолеть, как световой барьер. Остаётся обходной путь, подобно гиперпереходу.

– То есть?

– То есть выполнить его ультиматум – командор улыбнулся, сморщив нос – Завтра с утра готовим телезонды.

– Да я прямо сейчас начну!..

– Завтра, Ярара, завтра. Мы тут не последний день, и пока всё не сделаем, будем тут. Так что не дёргайся, спи спокойно. И не обижайся на своего дядюшку...

– А чего он всё меня малолеткой обзывает! – вдруг совершенно по-детски выпалила Ярара. Все прыснули.

– Тут наш уважаемый капитан явно не прав – сидящий рядом с Ярарой Ухурр вдруг протянул руку и просто и естественно пощупал грудь у опешившей девушки – По-моему, девушка вполне созрела, а как считает наша доктор?

Ярара зашипела от возмущения, яростно царапнула Ухурра по руке, вскочила.

– Всем спокойного сна!

Глядя, как закрывается за Ярарой дверь, Иахрр задумчиво произнёс.

– Интересно, Ухурр, как при таком чувстве юмора у тебя до сих пор целы уши? По-моему, их давно должны были распустить в лапшу.

– Успехи современной медицины грандиозны – нимало не смущаясь, Ухурр доедал свою порцию – и позволяют восстанавливать уши при любой степени повреждения. Правда, доктор?

Доктор, уже закончившая ужин и допивавшая сок, сморщила нос, не сдержавшись, фыркнула. Иахрр поймал себя на том, что сам морщит нос в улыбке. На этого парня просто бессмысленно обижаться. И, если совсем откровенно, такие оррки порой очень нужны в экипаже.

* * *

– Чёрт знает что! – секретарь Астрономического общества бросил письмо на стол – Пишут, сами не знают... Пал Викеньтич, вы полюбуйте: «наблюдаемый объект внезапно исчез, и далее по траектории движения обнаружен не был». Ох уж эти любители... Не овладев элементарными навыками наблюдения, уже торопятся завалить Академию Наук свои-

ми открытиями...

Пал Викентьич, солидный благообразный мужчина, неторопливо вынул пенсне из жилетного кармашка, принялся читать депешу.

– Ну что вы так волнуетесь, батенька. Н-да, на метеорит не похоже...

– Я даже не знаю, зарегистрировать ли мне сей казус? Новая Луна обнаружена студентом... – секретарь фыркнул.

– Вы вот что... – Пал Викентьич солидно откашлялся – Всякое астрономическое явление имеет свойство повторяться в наблюдениях. Вот тут – он ткнул пальцем в текст – молодой человек излагает свои соображения насчёт параметров орбиты якобы новооткрытого спутника нашей старушки Земли. Чего проще – пронаблюдать, исходя из указанных данных. Ежели факт имеет место, он подтвердится за пару-тройку дней, ежели нет – вы не обязаны фиксировать разные анекдоты.

– Вы полагаете?..

– Да, пусть полежит у вас в столе покуда.

* * *

Герметичная дверь шлюза, чмокнув, мягко отошла в сторону. Ярара, всё ещё жмурясь – не проснулась толком – вошла в ангар, битком набитый всякой всячиной. Свет в ангаре почему-то горел, и девушка мельком удивилась, про себя

отметив – надо дать задание роботу, проверить автомат дежурного освещения...

У стеллажа, на полках которого длинными рядами стояли бутылки – ни дать ни взять винный погреб – сидела на надувном пуфике знакомая серая фигура, с буйной нечёсаной гривой. Хвост сидящего на этот раз пребывал в относительно покое, что несомненно указывало на отсутствие сильных эмоций, а равно и чрезмерно глубоких мыслей.

Ярара невольно сморщила в улыбке нос, наблюдая за тем, как инженер ловко берёт бутылку, проворачивает её, профессионально держа двумя пальцами – одной за донце, другой за «пробку» – затем одним движением подключает к «пробке» оптический разъём программатора – «глаз». Шнур от «глаза» тянулся к маленькому пульта, прилепленному на магнитной присоске к стойке стеллажа, на уровне груди сидящего.

– Ты нарушаешь режим, моя киска – Ухурр начал тыкать когтем в клавиши программатора, и внутри «бутылки» вспыхнул, замигал крохотный огонёк – Я в твои годы никогда не вставал в такую рань, это вредно для здоровья.

Ярара ткнула пальцем в тугой свёрток, и тот, зашипев, зашевелился, на глазах превращаясь в такой же точно надувной пуфик, как и тот, на котором сидел Ухурр. На душе было тепло. Она больше не сердилась на инженера за вчерашнюю выходку. Она знала, что у него сейчас полно своей работы, и вот надо же – встал раным-рано, чтобы помочь...

– Правда, Ярара, шла бы досыпать – закончив программирование очередного контейнера, Ухурр поставил его на новое место. Белая полка, на которой уже стояли шесть контейнеров, тут же алчно присосалась своей поверхностью к дну «бутылки» – не оторвать, пока не введёшь пароль – Сколько вам с командором нужно телезондов?

– Думаю, тридцати контейнеров хватит пока – Ярара усе-лась рядом с Ухурром, прикрепила свой программатор на соседнюю стойку.

– Ну и сделаю. Иди спи, правда.

– Я так дисквалифицируюсь – улыбнулась девушка, беря «бутылку». Короткая фраза, и донце «бутылки» отклеилось от стеллажа.

Все контейнеры были прикреплены к стеллажу именно таким образом, чтобы при резких, нескомпенсированных системой внутренней гравитации маневрах всё оставалось на своих местах. И снять можно, только зная пароль. Она провернула в пальцах контейнер, рассматривая содержимое. Сквозь полужеркальные стенки, покрытые изнутри теплоотражающим покрытием, виднелся мелкий, чёрный и блестящий песок, коим «бутылка» была плотно набита. Разумеется, это был не песок – телезонды. Рой таких почти невидимых «мошек» был способен самостоятельно перемещаться. Каждая песчинка была примитивной телекамерой, но все вместе они позволяли компьютеру создавать прекрасное объёмное голографическое изображение. Рой таких те-

лезондов сохранял работоспособность, даже потеряв девяносто процентов «личного состава», правда, качество картинки при этом ухудшалось. Телезонды питались солнечным светом и могли служить очень долго. Под самым горлышком притулился сложенный модуль-матка, похожий на здорового жука – ретранслятор, посредством которого и будет осуществляться связь и управление телезондами. Сами крохотные песчинки-мошки были слишком слабосильны для такого дела.

Сброшенный в атмосферу, контейнер сгорит, подобно метеору, на заданной небольшой высоте, выпустив на волю облачко телезондов, которые направятся к цели. Просто и эффективно.

– ...Дисквалифицируюсь... Твой дядя – настоящий зверь, жестокий и бессердечный – заявил Ухурр, принимаясь за очередной контейнер.

– Это почему? – иронично-весело осведомилась девушка.

– Да потому, что я на его месте скорее дал бы отрезать себе хвост, чем отпустил тебя в космос.

– Ещё чего! – возмутилась Ярара.

– Именно так. Если бы спросили меня, я ответил бы – место такой девушки отнюдь не в тесноте корабельных отсеков, среди потных взъерошенных космонавтов. Такая девушка должна возлежать в прохладном полумраке алькова, на алых подушках...

– Почему именно на алых? – Ярара окончательно разве-

селилась. Ухурр очень забавлял её.

– Золото лучше всего смотрится на алом, моя киска – инженер всё тыкал в клавиатуру, пристально вглядываясь в экранчик программатора – Я программирую на высоту три тысячи.

– Не мало?

– Нормально. Если выше, будут заметные потери на рассеяние. Куда вы собираетесь сбросить эту серию?

– Иахрр хочет в разные места, а я считаю, надо в одну страну. У нас тут сложности с языками...

– Да, я слышал. Неприятное осложнение.

– Ну вот... Я считаю, нам надо сосредоточить усилия на одной стране. Тут есть одна очень крупная страна, самая большая из всех. Добрая шестая часть всей суши, представляешь? Вот ей и заняться в первую очередь.

– А что командор?

– А командор говорит – нас трое, имеется в виду он сам, я и Урумма. Можно заняться сразу тремя большими странами, а потом выбрать наиболее перспективную. По-моему, он не прав. Мы так вконец зашьёмся.

– Иахрр – не твой дядя, его вполне можно убедить. Хочешь, мой голос ляжет солидно и весомо на чашу весов рядом с твоим?

– Не надо, я сама постараюсь договориться – рассмеялась девушка. Она поставила на белую полку уже запрограммированный контейнер, потянулась за следующим, и то же са-

мое сделал Ухурр. Руки их встретились, и Ярара вздрогнула, сама удивившись необычности ощущений. Её взгляд встретил взгляд инженера. Глаза Ухурра смотрели серьёзно, даже чуть печально. Ни тени смеха.

Ярара отвела взгляд, и вдруг увидела на руке инженера глубокие свежие царапины.

– Это я тебя вчера?

– А то кто же? – ворчливо отозвался Ухурр, отбирая у Ярары намеченный контейнер – Наша докторша ни за что бы не позволила себе так искалечить члена экипажа.

– Ну прости. Ты тоже хорош, с такими шуточками.

– Пустяки. Залил антисептиком, всего и делов. Телесные раны – ничто по сравнению с тяжкими увечьями, нанесёнными твоим поступком моей нежной и ранимой душе.

Девушка захохотала, не в силах более сдерживаться.

– Ну прости, мой котик, правда – она лизнула Ухурра в нос.

– Представляю, что было бы, если бы я потрогал тебя чуть ниже.

– Попробуй, увидишь – прищурилась девушка.

Вместо ответа инженер вновь встретился с ней глазами. Серьёзный, чуть печальный взгляд. Его рука робко, медленно потянулась к Яраре, осторожно коснулась её тела чуткими кончиками пальцев. Когти были убраны, втянуты назад. Ярара вдруг с изумлением обнаружила, что сидит, вытянувшись в струну, опустив и даже чуть отведя назад руки, вместо это-

го выпятив грудь. Более того, ноги её широко раздвинулись, открывая святая святых любой девушки. Словом, поза полного подчинения, хоть сейчас на подушки...

– Нет, ты невозможен! – Ярара вскочила со своего пуфика. Ухурр тотчас прижал уши.

– Ладно, отложим эксперимент до момента возвращения. У нашей докторши сейчас полно работы, не стоит загружать её восстановлением чьих-то драных ушей.

Ярара фыркнула, пытаясь сдержаться. Не сдержалась – рассмеялась.

– Давай уже работать, мой котик, не то опоздаем к завтраку!

– Завтрак – пустяки. Вот ужин сегодня должен, просто обязан быть праздничным.

– С чего это вдруг?

– С того это. Сегодня мы запускаем планетарный томограф.

– Да ну?! – Ярара снова вскочила, её хвост мотался направо-налево – Сделал уже?

– А то! Ну, правда, и твой дядюшка приложил руку. Надо признать – голова у нашего капитана фурычит, даром что зверь...

– Ну какие молодцы, правда!

– ... Ты бы погулял, Боря, смотри, дни-то какие стоят! Зимой успеешь насидеться за книжками да чертежами.

– Некогда, тётя Катя, правда – Борис колдовал над разложенной на обеденном столе громадной настенной картой полушарий Земли, изображёнными в проекции Меркатора, вычерчивая какие-то линии.

– Некогда... Что я Клавдии скажу, как приедешь домой, тощий да белый, как мучной червяк? Сидишь на чердаке все ночи, ровно сова, а днём или спишь, или над бумагами горбишься...

Тётушка была искренне расстроена. Действительно, увлечение любимого племянника приобретало угрожающие размеры. Одно дело посидеть до полуночи с трубой, и то не каждую ночь – ладно, чем бы дитя не тешилось, всё не водку пьёт... И совсем другое – каждую ночь, от заката до рассвета. Да ещё днём сидит с бумагами. Ни в лес, ни на пруд купаться, а о девушках и речи нет...

– Эх, тётя Катя... Возможно, вот сейчас, на твоих глазах, творится история. Возможно, твой племянник сделал эпохальное открытие – Борис аккуратно выводил очередную линию, пользуясь лекалом.

– Открытие... – фыркнула тётя Катя – Один, сидя на пыльном чердаке...

– Именно на чердаках, тётя Катя, и делаются великие астрономические открытия – Борис отложил лекало, снова начал что-то вычислять в тетрадке – Ну, правда, я был не один. Мне Мурёна помогала. Правда, Мурёна? – он почесал за ухом кошку, притулившуюся рядом с хозяевами на обитом плюшем стуле. Кошка согласно замурчала, не отрицая своей причастности к астрономическим открытиям – Ты про Якова Струве слыхала, тётя Катя?

– Как не слыхала. Добрый портной, даром что жид. Он-то тут с какого боку?

– Этот точно ни с какого – засмеялся Борис – То другой Струве, тётя Катя, астроном из Питера...

– А-а, астроном... Лучше бы костюмы шить выучился. Хороший доход, и людям польза.

– Ты права, тётя Катя, как всегда! – снова засмеялся племянник.

Он провёл последнюю линию, критически оглядел своё творение. Нигде вроде не напутал...

Тонкие карандашные линии пересекали карту почти точно в меридиональном направлении, изгибаясь вблизи полюсов. Возле каждой были расставлены цифры, означавшие время прохождения пятидесятой северной параллели – широта Киева. Период обращения небесного «гостя» оказался подобран так, что траектория опоясывала земной шар двенадцатью петлями, витки орбиты в точности ложились друг на друга, и над одними и теми же районами земной поверх-

ности «гость» проходил каждые сутки в одно и то же время. Ещё одно доказательство искусственности...

– А и правда, схожу-ка я прогуляюсь. Да, Мурёна?

Мурёна перевернулась на другой бок, не возражая. Она явно полагала, что хозяйева вольны делать всё, что им заблагорассудится, лишь бы не забывали главного в жизни – вовремя накормить кошку.

– Вот, наконец-то взялся за ум – одобрила тетя Катя. Борис улыбнулся ей, сворачивая карту. Теперь он знал, когда и где искать «гостя». Можно было малость расслабиться.

* * *

Ухурр, свесив свою нечёсаную гриву набок, бойко колотил пальцами по клавиатуре пульта. Весь экипаж «Любопытного», за исключением второго пилота Вахуу, несшего очередную вахту, сгрудился у громадного стенного экрана, на который выводилось синтезируемое изображение.

На экране по-прежнему круглился бок планеты, вот только вид её сильно изменился. Исчезли облака, и планета стала будто стеклянной. Мощный суперкомпьютер, обрабатывающий поступающую информацию, старательно раскрашивал динамическую картинку, стараясь не слишком отходить от оригинала. По поверхности моря скользили маленькие, ярко-розовые стеклянные кораблики, точно ампулы, брошенные в воду. В толще голубого океана, ставшего прозрач-

ным до самого дна, белёсыми тенями проплывали крохотные прозрачные рыбёшки, напоминающие мальков-гуппи.

– Однако, какие тут водятся твари... Где масштаб?

– Сейчас измерим... Ого! Вот это зверюга! Интересно, это хищник?

– Вряд ли... Такая рыбка должна питаться планктоном, иначе не прокормиться...

– Смотрите, смотрите! – Ярара указала на одну из крохотных рыбёшек, резко отличавшуюся от прочих. Рыбка отличала ярко-розовым.

– Металл... Точно, сталь. Это не рыба, ребята, это подводное судно. Кое-что могут аборигены.

– Хватит любоваться морем. Ухурр, наведи-ка вот на этот городок. Да, да, на этом прибрежном длинном острове.

Изображение переместилось. Громадный город топорщился, будто лес стеклянных пробирок, заполненных разноцветными жидкостями. Приглядевшись, можно было различить красные капилляры стальных каркасов небоскрёбов, крохотными красными жучками ползли по щелям улиц местные самодвижущиеся механизмы.

– Здорово!

– Работает штатно. Ухурр, а где сюрприз?

– Один момент, Иахрр. Капитан, с твоего позволения?

– Давай уже, не тяни.

– Даю максимальное разрешение.

Изображение резко увеличилось. Пробирки превратились

в изукрашенные стеклянные этажерки-аквариумы, внутри которых шевелился планктон.

– Ух ты! Смотрите, смотрите, это же живые аборигены!

Затаив дыхание, все смотрели, как отдельные представители планктона, шевеля ресничками-ногами, неспешно перемещаются по стеклянным плоскостям аквариума. Вот несколько рачков всплыли в крохотную прозрачную коробочку, и она вдруг быстро поползла вверх, точно всплывающий пузырёк.

– Лифт! Чтоб я облез, это лифт!

Изображение сместилось к земле. Земная твердь выглядела на экране бледно-коричневой, точно бутылочное стекло. В толще стеклянной массы отчётливо виднелись многочисленные ходы, пересекавшиеся, ветвившиеся, точно червоточины в трухлявом дереве, напрочь источенном термитами. Одна червоточина была гораздо больше остальных, и по ней полз членистый стеклянный червяк, набитый внутри планктоном. Червяк выполз в расширение тоннеля, остановился передохнуть, и планктон внутри него пришёл в движение, повалил наружу, а на его место начал поступать свежий.

– Подземный транспорт... – Ярара в крайнем возбуждении облизала нос, её хвост мотался, как на ветру. Все, затаив дыхание, смотрели на развёрнутую перед ними картину. Жизнь чужого мира. Разумная жизнь...

Стеклянный червяк, отдохнув, резво взял с места, набирая ход, уполз в тоннель, исчез из поля зрения.

– Всё, Ухурр, на первый раз хватит.

Изображение погасло, и потолочный свет разом усилился. Все задвигались, оживлённо переговариваясь, в возбуждении размахивая хвостами.

– Ну вот, капитан, а ты сомневался. Отлично всё вышло.

– Молодец, Ухурр. От лица всего народа оррков объявляю тебе благодарность.

– Рад стараться, о величайший! Кто ещё желает изъявить благодарность скромному инженеру-волшебнику? Вот вы, например, милые дамы?

– Изъявим, изъявим – обе присутствующие дамы, смеясь, уже подходили к Ухурру.

– Ух ты мой сладкий – Ярара лизнула инженера в нос. Глаза её смеялись – Что бы мы без тебя? Глухие слепцы...

– Один раз, и только?

– А сколько?

– А за сверхвысокое разрешение?

– Ну вот тебе ещё – Ярара от души лизнула Ухурра ещё раз – Достаточно?

– Ну, не то, чтобы достаточно... Терпимо, скажем так.

– Я за неё добавлю – докторша лизнула его раз, другой. Подумав, добавила ещё – Теперь всё?

– Как, вы не ждёте ответа? – Ухурр сгрёб обеих женщин, смачно облизал им носы – Стойте смирно, не дёргайтесь. Имею право сегодня.

– Родился ты нахалом, нахалом и помрёшь – Урумма

хлестнула его хвостом, Ярара, царапнув, ловко вывернулась – Вот за это тебя девушки и не любят.

– Как не любят? Кто? Это вы, что ли, меня не любите? Такого просто не может быть. Меня обязательно надо любить – вы посмотрите свои должностные инструкции...

Дамы расхохотались.

– Внимание, экипаж! Извините, что прерываю ваше мурлыканье, уважаемые. Прошу всех вернуться к выполнению служебных обязанностей.

– Ну вот! Эх, капитан... Такой роман обломал...

– Кстати, о романе. Иахрр!

– Я тут, капитан.

– График наблюдений на томографе составлен?

– Нет пока. Томограф же не работал.

– Очень хорошо. Не придётся переделывать. График надо составить с таким расчётом, чтобы всё максимально походило на естественные магнитные бури, вызываемые местным светилом.

– Не слишком мудришь, Хррот?

– Не слишком. Аборигены уже всю используют радиосвязь, пусть и самую примитивную. Кто может поручиться, что они не имеют службы, регистрирующей изменения магнитного поля планеты? Нормальная служба погоды обязана их учитывать. Такие сеансы, как сегодня, да ещё повторяющиеся регулярно, должны их насторожить.

Иахрр задумчиво свивал-развивал хвост в кольца.

– На этот раз ты прав. Хорошо, я учту.

– Всё это очень даже занимательно, коллеги – встряла вдруг Урумма – Но главную добычу всегда приносят прямые исследования. Когда мы пускаем телезонды и пробоотборники? Мне нужны образцы.

* * *

Пожилой человек, дальнозорко откинувшись, смотрел на диаграмму, широкой лентой свисавшую со стола. За спиной профессора топтался молодой человек.

– Вы уверены, Дитрих, что в это время никто не входил в аппаратную?

– Да, профессор. В смысле, никто не входил.

Профессор Кильского университета герр Вебер в сомнении пожевал губами. Разумеется, он не мог поставить под сомнение показания своего детища, выстраданного потом и кровью, прибора для регистрации магнитного поля Земли. Прибор, конечно же, не врал, как и положено честному немецкому прибору. Но, как и честного человека, его вполне можно было обмануть. В памяти профессора до сих пор были свежи воспоминания о весьма непристойной шутке, учинённой парочкой студентов – эти хулиганы додумались намагнитить длинный стальной лом, плотно навив на него провод и пропустив по нему ток от аккумулятора. Заряженное таким образом орудие преступления затем подложили

за стеной, в непосредственной близости от чуткого прибора. Хорошо, что профессор сгоряча не послал тогда статью в научный журнал. Скандал!

Вот и сейчас профессор Вебер нутром чуял подвох. Нет, не может магнитное поле планеты изменяться вот таким образом – кратковременно и ритмично. Что-то тут не то.

– Вот что, Дитрих. Давайте ещё раз тщательно всё проверим. Нам не нужно дешёвых сенсаций.

– Да, профессор.

* * *

На большом экране проплывали дома, заборы, крашенные и не очень, а кое-где и вовсе некрашенные. По мостовой, сложенной из плотно пригнанных камней, шли пешие аборигены, проскакало длинноногое животное, запряжённое в смешную повозку. Изображение сместилось, стал виден маленький уютный дворик с развеситым деревом в углу, накрывавшем добрую половину двора своей сенью. Под этой сенью на лавочке разместились две аборигенки, жующие что-то мелкое, спрятанное в горсти.

– Стоп. Дай звук – потребовал Иахрр.

Ярара остановила движение роя телезондов, зафиксировала изображение. Послышались невнятные звуки инопланетной речи, скрадываемые шумом, долетающим с улицы, и шумом ветра в кроне дерева.

– Что они говорят?

– Не слышно – Ярара положила руку на сенсоры, стараясь улучшить настройку – Что они там едят?

– Ну, сделай ближе.

– Масштаб или рой?

– Подвинь рой.

Изображение придвинулось, и звук сразу стал глубоким, чётким – теперь компьютер уверенно отсекал посторонние звуки, доносящиеся извне контролируемого объёма.

– Эка, мошकारа откуда-то появилась. Налетели...

– А пускай, лишь бы не зажирали...

За экраном сидели четверо – Иахрр, Ярара, Вахуу и Урум-ма. Капитан на сей раз нёс вахту, и второй пилот Вахуу отдыхал. Ему до сих пор не везло на зрелища, и сейчас он жадно вглядывался в чужой мир, раскрывавшийся на экране. Что касается остальных, то они исполняли свои прямые обязанности.

– О чём они говорят? – подал голос пилот. Остальные, уже прошедшие курс предварительного гипнообучения, жадно вслушивались, боясь пропустить хоть слово, хотя всё происходящее и фиксировалось в памяти компьютера.

– ... Мне Манька давеча сказала – гляди, Галя, мол, этот фраер тот ещё... Омманет и не заметишь... На ходу подмётки режет...

– Ты к Гапке не ходила ещё?

– Бог миловал, с этой шлындрой знаться...

Бабы говорили по-русски, но с явным украинским акцентом – смягчая «г». На мордах, облепленных шелухой, было написано ленивое довольство собой и жизнью.

– Да что такое они едят? – Ярара колдовала над пультом. Изображение ещё сместилось, и стало видно, что в горсти у кумушек находятся мелкие чёрные семена.

– Странные существа – пилот Вахуу в волнении мотал хвостом – Они не едят, они их выплёвывают!

– Действительно – подала голос Урумма – Разжёвывают и выплёвывают.

– Возможно, это какой-то лёгкий наркотик – предположил Иахрр – отсюда и маловразумительная речь.

– Вполне возможно – согласилась Урумма.

– А етот-то ферт, Гриня – лениво продолжала вещать одна из подружек – «Эх, грит, Галя, продам я Аврору с коляской, да куплю мотомобиль. Ему сена не надо» Я ему: «Тебя, дурака, ета кобыла кормит, работает за тебя, дурня, покуда ты во все дни пьян. На мотомобиле небось пьяным не покатишься, об первый угол расшибёшься»

– А он?

– А он токо ржёт, как его кобыла. Да что с дурня взять! Мотомобиль ему... Да его вместе с кобылой и пролёткой продай, дак и то на мотомобиль не достанет...

– За Гриню-то ещё и приплачивать придётся, а даром-то навряд кто возьмёт эко сокровище...

Подружки расхохотались.

– Урумма, ты можешь определить степень опьянения? – спросил Иахрр – Может, мы зря теряем время, слушая пьяный бред. Во всяком случае, мне их речь кажется сильно искажённой.

– Ярара, дай максимальное увеличение на глаза – попросила Урумма.

Изображение резко увеличилось. Толстые бабьи морды выглядели теперь устрашающе.

– Жуть какая – поёжился гигант Вахуу, невольно прижимая уши.

– Да нет, они не пьяные – медленно, вглядываясь в зрачки человеческих глаз, произнесла Урумма – Ни в малейшей степени.

– Ты уверена? – усомнился Иахрр.

– Я ксенобиолог, Иахрр – усмехнулась Урумма – Уверю тебя, по зрачкам можно определить опьянение у любого зрячего существа, если, разумеется, эти зрачки имеются.

– Ничего не пойму. Чего тогда они бормочут всякую ерунду? Может, мы неправильно переводим?

– Я знаю, в чём дело – встряла Ярара – Это дуры.

– В смысле?

– Вот доктор меня поняла.

– Это вполне возможно – снова усмехнулась Урумма, чуть сморщив нос.

Некоторое время Иахрр обрабатывал новую информацию.

– Вы хотите сказать, что это умственно неполноценные особи?

– Я хочу сказать, что следует сменить объект наблюдения – Ярара обмахнулась кисточкой хвоста – Ничего более ценного мы от этих двух не услышим.

– Согласен – подумав, согласился командор – Ищи достойные объекты.

– Кого именно?

– На твой выбор.

Рой мошкеры взвился ввысь, оставив двор с двумя ку-мушками. Ярара колдовала с пультом, и изображение то и дело выхватывало из прохожих отдельные лица.

– Ищи парные объекты – напомнил Иахрр – молчальники нас не интересуют.

– А группы?

– А с группой нам пока будет сложно. С парой бы разобратся.

Изображение зафиксировалось на парочке, томно сидящей на скамейке.

– Вот, пожалуйста.

– Эти не пойдут – решительно забраковал командор.

– Почему? – удивилась Ярара.

– Потому что это разнополая пара. Молодые к тому же.

– Ну и что?

– А то, что ничего вразумительного мы от них не услышим.

– Да почему?!

– Я поясню – вмешалась доктор – Наш уважаемый командор хочет сказать, что влюблённость – нечто среднее между сумасшествием и опьянением. Я правильно излагаю?

– Благодарю, Урумма – усмехнулся Иахрр – Трудно было выразить эту мысль более чётко.

Ярара фыркнула, но спорить не стала. Изображение снова поплыло над сонными улицами киевской окраины.

– Может быть, эти?

Две молоденькие хорошенькие гимназистки резво шагали по улице, оживлённо беседуя.

– Хорошо. Веди их спереди.

– Переключить на автомат?

– Можно.

Ярара снова поколдовала с пультом. Теперь рой мошкеры летел впереди девиц, как приклеенный, автоматически выдерживая дистанцию.

– ...Я тебе говорила – он ничтожество, лгун и бабник... А ты: «Петенька, Петенька...» – на ходу втолковывала подруге одна из девушек, беленькая.

– Я в нём разочаровалась – твёрдо отвечала вторая, с каштановой чёлкой, придав своему хорошенькому личику максимально суровое выражение.

– Но ты с ним целовалась? Целовалась? – продолжала беленькая.

– Ну... было... – неохотно-снисходительно отвечала чёл-

ка.

– Ой, Анька-а-а! – с ужасом и восхищением протянула подружка – Ну ты и ду-у-ура... Я бы не смогла, правда...

– Сможешь, дай срок. Все мы, бабы, такие – тоном сорокалетней прожжённой светской львицы, вконец разочарованной в жизни вообще и в мужчинах особенно, заявила чёлка.

– Ничего не понимаю – сокрушённо подал голос Иахрр – Отдельные слова понимаю, а общий смысл – нет. Кто-нибудь понял хоть что-то?

– Эта, беленькая, сообщает тёмненькой, что тёмненькая дура – подала голос Урумма.

– А тёмненькая?

– А тёмненькая соглашается с оценкой, и добавляет, что все женщины аборигенов страдают умственной неполноценностью.

– Да, я тоже поняла примерно так – встряла Ярара.

– Ох, коллеги, пойду-ка я спать – поднялся Вахуу – Не завидую я вам. Пилотом быть проще.

Изображение колыхнулось, будто на воде, и на экране возник стриженный, быстро удаляющийся затылок – какой-то абориген мужского пола прошёл прямо сквозь рой телезондов. Он обогнул девиц, отчего-то вдруг развеселившихся, и удалился прочь.

Командор, задумчиво свивавший кольцами хвост, тряхнул гривой, стриганул ушами.

– Так. Ярара, посади рой куда-нибудь на крышу, на солн-

цепёк. Конец сеанса. Думать будем.

– Зафиксировать на случай дождя? А то смочет...

– Обязательно.

* * *

– Что-то ты охладел к своей астрономии, Боренька. Сам разлюбил, или она тебя?

Тётушка гладила бельё, поочерёдно меняя утюги, гревшиеся в печи. Вообще-то она была довольна таким течением событий, и подтрунивала над любимым племянником только в силу весёлого и ироничного характера.

– У астрономии нынче критические дни, тётя Катя, как у любой дамы – с улыбкой отвечал Борис. Тётушка фыркнула, блестя глазами, рассмеялась. Борис невольно залюбовался тётушкой. Она была ещё вполне ничего, тётя Катя, и характер – чистое золото, вот только в жизни не повезло ей...

Борис занимался поливкой огорода. Вообще-то он готов был помогать тётушке и в других огородных работах, но тётя доверяла ему лишь самые элементарные – копание земли и полив, да и то под надзором, осуществляемым через открытое окно. Тётя Катя вполне резонно полагала, что огород – это вам не астрономия, тут Борис вполне мог нанести ощутимый ущерб.

– Ничего, Боря, на свете ещё полно девушек, кроме твоей астрономии. Познакомить тебя? Вон у Кметьевых Леноч-

ка...

– Ну не надо, тётъ Катъ, не начинай опять. Я в этом деле сам как-нибудь.

– Сам... Возможно, и сам... Подхватишь кого-нибудь ещё похлеще астрономии...

Теперь засмеялся Борис. Он уже закончил полив, и теперь черпал воду из колодца, наливая её в примечательно древнюю, здоровенную сорокаведёрную глиняную корчагу, неглубоко врытую в землю. Корчага эта осталась ещё от прежних хозяев. Вода в ней быстро нагревалась на солнце, порой так, что даже приходилось разбавлять её из колодца.

Наполнив наконец реликтовую посудину, Борис с удовольствием умылся до пояса холодной водой, натянул рубашку.

– Пойду прогуляюсь, тётъ Катъ. Или на пруд сходить? Карасей Мурёне добуду...

Кошка коротко мяукнула, явно одобряя ход мыслей молодого человека.

– Карасей ловить будешь на старости лет – резонно возразила тётя Катя.

– Тогда решено – Борис встал – Пойду прошвырнусь по дер штрассе.

– Прошвырнись, прошвырнись.

– Купить чего-нибудь, тётъ Катъ?

– М-м-м... Я даже не знаю... – после того случая тётушка питала заметные сомнения на предмет торгово-предприни-

матерских способностей племянника – А впрочем, на обратном пути в булочную зайди.

– Бу сделано, тётъ Катъ!

Выйдя на улицу, Борис невольно зажмурился. Солнце заливало всё вокруг потоками неистового майского зноя, как в тропиках. В тени развалились бродячие собаки, высунув языки. Несколько кур без особого энтузиазма рылись в пыли. Пробежала с гомоном стайка малышни, на миг нарушив мирную тишину, и снова всё погрузилось в сонную неподвижность. Дачный посёлок...

Студент повернулся и зашагал по сонной улочке, придерживаясь теневой стороны. Хорошо бы, конечно, со стипендии приобрести дамский велосипед. Почему дамский? Тётушке подарок, и сам бы катался летом... Однако все деньги ушли на телескоп. Вот и топай теперь пёхом вёрст шесть до города, да с гаком. С добрым украинским гаком, что порой бывает куда больше версты. Извозчика, что ли, поймать? Да ещё извозчиков-то не видно...

Словно в ответ из-за угла вывернулась пролётка, запряжённая пегой кобылой.

– Эй, барин молодой, чего зря башмаки топчем? Садись, подвезу! – весёлый молодой парень, похоже, был навеселе. Борис раздумывал пару секунд. В самом деле...

– Поехали в город! – запрыгивая в пролётку, распорядился студент.

– Единым махом, барин! – весело отозвался подвыпивший

кучер.

* * *

– ... Вот продам Аврорку свою, да эту вот таратайку – кучер хлопнул по потёртой скамье пролётки – и куплю авто, с бензиновым мотором. Как, одобряешь?

Кучер по дороге развлекал седока и заодно себя самого разговорами. Вот только разговоры эти крутились вокруг одной темы – автомобилей. Похоже, этот кучер уже принадлежал в душе к зарождающемуся в России племени автолюбителей.

– Не знаю – как человек увлечённый, Борис знал, что такое голубая мечта, и уважал людей, такую имеющих. Огорчать реалиями жизни весёлого парня ему не хотелось – Автомобиль немалых денег стоит, особенно хороший... Даже если «Пежо» брать...

– Добавим! – не сдавался парень – Заробим и добавим! Зато, слышь, сплошная выгода. Лошадь же как? Есть работа, нет работы – подавай ей овёс да сено. А авто, куда стоит, никаких расходов. Как говорят релюцинеры – кто не работает, тот не ест! – парень засмеялся.

– Это так – согласился Борис. Говорить о том, что на деньги, затраченные на покупку хоть сколько-то серьёзного авто, можно кормить эту Аврору булками всю её лошадиную жизнь, да ещё и на водку хозяину осталось бы, он не стал.

Между тем подковы вышеупомянутой Авроры уже звонко цокали по булыжной мостовой.

– Куда дальше, барин?

– А никуда – отозвался студент, принимая решение –
Здесь останови, пожалуйста.

– Лады! – кучер натянул вожжи, пролётка встала.

Расплатившись, Борис огляделся и зашагал по незнакомой улочке, по-прежнему держась теневой стороны. Он любил незнакомые улицы и переулки. В них было что-то от тайны неизведанных земель, таящейся в сердце почти каждого человека. Он даже не стал искать глазами название улочки. Какая разница?

Навстречу ему, о чём-то оживлённо щебеча, шли две гимназистки, занятые своими девичьими проблемами. Заглядевшись на них, студент вдруг отпрянул – перед девушками, буквально в пяти шагах, вился рой мелкой, как пыль, почти невидимой мошкары, летевший в ту же сторону, куда направлялись подружки, и Борис прошёл сквозь него, только что не наглотавшись мух. Девицы захихикали. Борис проводил их глазами и направился дальше.

* * *

– ...Ты обещал завалить меня образцами. Между тем я ничего пока не вижу, кроме жалких проб атмосферного воздуха, воды и почвы. Где обещанное? – Урумма смотрела су-

рово, даже не думая морщить нос в улыбке.

– Всё, всё тебе будет, о симпатичнейшая и добрейшая из всех докторов Звёздного флота – смутить Ухурра было совершенно невозможно – Хочешь, я изловлю тебе ту громаднейшую рыбу? Или того зверя, с длинным носом и большими ушами...

– И с них биопсию тоже – похоже, сегодня Урумма начисто отключила чувство юмора – И со всех подвидов аборигенов кровь! И с этих вот животных! – она указала на изображение лошади, медленно вращающееся на боковом сегменте экрана – И вообще со всех!

– Ух ты и кровожадная! – Ухурр в ужасе прижал уши – Зачем тебе такое море крови?

– Трепло! – не выдержала докторша, хлестнув хвостом по стенке.

– А если серьёзно – поменял наконец тон Ухурр – то свои вожелённые образцы ты получишь только к ужину. Раньше никак, извини. Отбор проб продвигается туго, автоматы сбиваются, приходится вести пробоотборники вручную. Мы и так сейчас вдвоём на тебя работаем, я и Вахуу. А гонять капсулы на орбиту полупустыми, ради одного твоего нетерпения – извини...

– Ну Ухурр, ну пожалуйста – тоже разом сменив тон на просительный, ласково заговорила докторша – Мне работать же надо!

– Вот именно. В то время, как наш уважаемый коман-

дор и юная Ярара обливаются потом, пытаюсь разобрать бессвязный бред аборигенов, прославленная Урумма униженно кланчит какие-то жалкие образцы. Скройся с глаз, попрошайка!

– За попрошайку ответишь – нехорошо сощурилась Урумма.

– Укол в попу? – деловито уточнил Ухурр, не отрываясь от экрана, на котором проплывал земной пейзаж. Урумма не сдержалась-таки, фыркнула, морща нос – Смотри, как тебе нравятся такие звери?

На экране стадо свиней лениво возлежало в огромной луже.

– Ух ты! – восхитилась Урумма – Это явно теплокровные земноводные, как те...

– Те были гораздо больше. И морды другие.

– Не забывай, там были тропики. Ухурр, мне нужна их кровь. И фото во всех ракурсах.

– Сколько проб? – уточнил Ухурр, уже направляя на стадо пробоотборники – маленькие биокибернетические приборы, весьма похожие на комаров.

– Давай три... нет, четыре... а, давай сразу пять! У них может быть весьма любопытный генотип.

– Я всегда говорил, что в биологии и медицине женщинам не место – Ухурр манипулировал джойстиком, наводя пробоотборники на цели – Они чересчур кровожадны.

Здоровенный кабан, хрюкнув, перевернулся на другой

бок. На пульте перед Ухурром загорелся крохотный красный индикатор, запищал сигнал.

– Ну вот – Ухурр ткнул пальцем в сенсор, и сигнал замолк – Ещё один пробоотборник накрылся. И всё из-за твоей неумной жадности, женщина!

* * *

– ... Ну как там поживает ваша новооткрытая луна? – Пал Викентьич был сегодня настроен благодушно. Он только что положил деньги в банк, заодно капитализировав проценты. Сумма на счёте была уже довольно кругленькая, и это внушало определённый жизненный оптимизм.

– Как и следовало ожидать, Пал Викентьич. Никаких следов, бесследно растворилась в просторах Вселенной.

– Оно и немудрено, в таких-то просторах!

Собеседники захохотали.

– Вот и конец вашей загадке, уважаемый. Вселенная устроена просто, и всяким сенсациям в ней нет места.

– Так как же с депешей? В корзину?

– Ну, разве ещё пару деньков подержать... А можно и сейчас в корзину. И так всё ясно.

Звёзды переливались, подмигивали Борису, как будто ободряя его: «Не горюй, студент! Никуда он не делся, твой неопознанный объект. Тут он, уж нам-то это известно. А что не видишь ты его – так это до времени...»

Борис вздохнул, потёр усталый глаз, чуть переместился – начал глядеть левым. Наблюдать спутник Земли, вращающийся с таким диким наклоном орбиты – сущая мука. Астрогид, компенсирующий вращение Земли среди неподвижных звёзд, тут не помощник, всё надо делать вручную. На стуле рядом с Борисом лежал тот самый фонарик, рядом с ним – тетрадка с расчётами, уже порядком потрёпанная. Правда, он уже приспособился, почти не заглядывая в тетрадку, крутить лимбы наводки, короткими частыми рывками перемещая телескоп вдоль траектории полёта невидимого пока «гостя».

Борис вздохнул, снова поменял «замылившийся» глаз. Окуляр сейчас стоял самый маломощный, двадцатикратный обзорник – так больше поле зрения – но он не сомневался, что не пропустит события.

Послышались тихие, на грани слышимости, мягкие шаги, и на стул рядом с Борисом вспрыгнула кошка, очевидно, дабы удовлетворить своё научное любопытство.

– Брысь, зверь! – вразрез со своими словами студент по-

гладил кошку, не глядя. Та заурчала, поудобнее устраиваясь на астрономической тетради с расчётами – Мурёна уважала астрономию.

Крохотная искорка возникла из ниоткуда – двадцатикратный окуляр-обзорник не в силах был дать более детальное изображение – и уверенно поползла по небу, испещрённому яркими, переливающимися точками звёзд. Борис дёрнулся было заменить окуляр на «стотридцатку», но не решился. Вдруг исчезнет чудесное видение, куда он возится?

Неопознанный пока ещё объект шёл на север, удаляясь от славного города Киева. Солнце тут, в Киеве, уже давно село, но там, в небесной выси оно, очевидно, всё ещё доставало «гостя» своими лучами.

На этот раз «гость» показал свой лик всего секунд на тридцать, но это уже не имело ни малейшего значения. Теперь Борис был уверен в своей правоте абсолютно. Он здесь. Они здесь.

* * *

– ...Нет, капитан. Я не знаю, что случилось. Я знаю только, что не виноват. В прошлый раз я ещё сомневался, а сегодня – извини... Пальцем не шевельнул.

– Вахуу, это не шутки. Я вынужден отстранить тебя от несения вахт, как ни жаль. Ты поступаешь в распоряжение командора Иахрра.

– Кто же будет тебя подменять? Ухурр? У него работы сейчас...

– Никто не будет – капитан чуть сморщил нос в полуулыбке.

– Ты же свалишься!

– И тем не менее. Ты слышал команду? Повтори.

– Так точно, капитан. Я поступаю в распоряжение командора Иахрра.

– Всё, свободен!

Когда дверь за расстроенным пилотом бесшумно закрылась, капитан сел в кресло, помассировал затылок, привычно пробежал глазами по дисплеям и индикаторам. Открыл на дисплее вахтенный журнал, пытаюсь разобраться в происшедшем. Второй раз подводит маскировка, причём вахтенный не в состоянии вразумительно объяснить причину – неслыханно!

Некоторое время он работал молча, лишь слегка шевеля хвостом. В рубке управления было тихо, еле слышно шелестела вентиляция, нагнетая в помещение свежий, насыщенный аэроионами, настоящий морской воздух. Затем хвост капитана начал мерно раскачиваться, а потом и свиваться в кольца – верный признак того, что капитан крепко задумался. Ещё чуть позднее к процессу присоединились уши, капитан начал нервно прядать ими. Наконец он бросил своё занятие, откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову.

Стены, потолок и даже пол ходовой рубки представляли

собой сплошные голографические экраны, и при нужде можно было использовать их, чтобы получить практически полный сферический обзор. Именно это и сделал сейчас Хррот. Щелчок пальцев, и пульт управления кораблём, вместе с двумя пилотскими креслами, повис в пустоте, наполненной светом мириад острых, немигающих звёзд – именно так выглядят звёзды в открытом космосе, и компьютер, синтезирующий голограммы, старательно передавал мельчайшие детали.

И только впереди, прямо по курсу, никаких звёзд не было. Там незыблемо, мёртво лежала тьма, словно вырезанная из звёздного неба громадная круглая дыра. Корабль шёл над ночной стороной планеты, проходя очередной виток, и рубка управления, как обычно на орбите, была повернута в сторону планеты, чтобы иметь её в виду на переднем обзорном экране.

Капитан закрыл глаза – так вдруг стал страшен чёрный лик чужой планеты. На родной Хараре ночная сторона планеты выглядела сплошь светящейся, не хуже звёздного неба. Огненные туманности городов, светящаяся россыпь мелких посёлков, светлячки кораблей и летательных аппаратов... Даже над морем не было такого непроглядного мрака – плавающие города там и тут украшали поверхность океанов. Эта же планета выглядела настолько дикой, будто и не носила на своей поверхности разумных существ.

Сердце Хррота сжалось. Так страшно ему не было, навер-

ное, с раннего детства. Да, точно, тогда он гулял с мамой и потерялся в парке. Было так страшно, что он забыл ткнуть коготком в браслет связи на запястье, и только плакал, покуда не вылез из кустов толстый смешной зверёк, поводя чёрной блестящей пуговкой носа и перепончатыми ушами. Зверёк успокоил Хррота, а там и мама спохватилась, нашла своё чадо по пеленгу браслета... И только много позднее Хррот узнал, что этих зверьков едят.

Они не вернутся отсюда. Да, Хррот привык доверять своему чутью, и оно пока ещё его не подводило. Сознание любого оррка консервативно, как, наверное, и вообще сознание любого достаточно разумного существа. Сознание работает по законам логики, ему подавай доказательства, непреложные факты. Нет фактов – нет выводов...

Подсознанию же достаточно крохотного полунамёка. Именно поэтому звери, не отягощённые рассудком, зачастую избегают опасности там, где разумное существо, в упоении мощью своего интеллекта, гибнет порой от нелепейших случайностей. Гибнет только потому, что могучий разум не получил достаточно весомых доказательств близящейся опасности. Яркий пример тому – землетрясения...

Они не вернутся отсюда. Он, капитан Хррот, пока не видит этой смертельной опасности, но он её чувствует. Если бы он почувствовал это раньше, ещё на планете, он сделал бы всё, чтобы корабль не вышел в рейс. Но сейчас путь к отступлению отрезан.

Хррот изо всей силы хлестнул по полу хвостом, чтобы унять дикий страх, сжимающий сердце, и не почувствовал боли. Опасность была рядом, невидимая и неосязаемая, как древний ночной зверь скрууд, находящий свою жертву по тепловому излучению. Неслышно крадётся скрууд в крошечном мраке, замирает на месте, видя тепловые пятна обращённых к нему глаз. И когда увидишь ощеренную зубастую пасть, будет поздно. Если вообще увидишь...

Мрак между тем стал не так непрогляден. Под кораблём уже искрились многочисленные молнии – корабль пересекал экватор планеты, над которым почти постоянно бушевали грозы. Яркая вспышка словно озарила зреющую в подсознании догадку, и Хррот почувствовал, как волосы у него на голове и вдоль хребта встают дыбом – древняя, почти утраченная современными орками реакция на смертельную угрозу.

Вирус. Как всё просто, когда поймёшь – компьютерный вирус, только и всего.

Но как?..

На корабле, где компьютеры управляют абсолютно всем, вирус – самое страшное оружие из всех возможных. Поэтому все программы, загружаемые на борт, проверены-перепроверены по многу раз, вплоть до последнего бита. И всё-таки другого объяснения сегодняшнему сбою просто нет.

Хррот изо всей силы хлестнул по полу хвостом – раз, другой, чтобы больно, в кровь! Боль пришла наконец, немного отвлекла. Но только совсем немного.

Где-то в недрах памяти, среди бессчётных терабайт таится эта дрянь. Хороший современный вирус выловить очень трудно, если не знать, кого ловить. Рассыпанный на тысячи фрагментов в скрытых, необнаруживаемых файлах, он мирно дремлет, ожидая своего часа. Или тихонько, исподволь перестраивает под себя программы, и только иногда его деятельность даёт вот такие побочные эффекты, вроде внезапного и необъяснимого отключения маскировки.

Вирус, внедрившийся в компьютерную память, непредсказуем. Что он будет делать, знает только его создатель, и то не всегда. Он может мирно проспать вплоть до возвращения, так ничем себя и не проявив. Он может сбить настройку при гиперпереходе, и корабль вместо счастливого возвращения домой канет в вечность. Он может отключить систему анабиоза, и команда тихо скончается во сне, так и не узнав, что корабль успешно прошёл гиперпереход и возвратился к родной планете. Он может взорвать бортовой кварк-реактор, и корабль просто мгновенно исчезнет в лиловой вспышке. Он может...

Он может **всё**.

Между тем тьма, нависшая над громадной планетой и маленьким кораблём, несущимся по орбите, уже уступала место свету. Пульт управления, висящий в космической пустоте, уже заливали потоки белого сияния – лето в северном полушарии было в почти в разгаре, и над северным полюсом, покрытым тут сплошным ковром плавучих льдов, во-

всю неистовствовал полярный день. Корабль приближался к линии терминатора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.